

Алексей ВАСИЛЬЕВ, ведущий научный сотрудник РГВИА

ДОЛИНА СМЕРТИ

Атака британской Легкой бригады
под Балаклавой

В военной истории Европы слово «Балаклава» прочно ассоциируется с конной атакой британской Легкой бригады. Оно стало синонимом напрасной жертвы, безумно смелого, но заведомо обреченного на неудачу предприятия. Затмив (может быть, не вполне заслуженно) другие моменты Балаклавского сражения — единственного удачного дела русской полевой армии на Крымском театре Восточной войны, эта атака, проведенная по нелепому и ошибочному приказу, показала высокие боевые качества английской кавалерии. В Англии о ней написано множество книг и статей, снято два кинофильма. Ей также посвящено стихотворение Альфреда Теннисона «Атака Легкой бригады», которое стало хрестоматийным и до сих пор изучается в школах Соединенного Королевства.

Местность, на которой разыгралось сражение 13/25 октября 1854 года, весьма пересеченная, холмистая. Наиболее удобным путем к Балаклаве была дорога, которая вела через Трактирный мост по двум ущельям в долину Черной речки, образованную с севера восточными склонами Федюхиных гор, а с юга сплошной грядой

холмов (Кадык-койских высот), тянувшейся по направлению к Сапун-горе. Там, за гребнем Сапун-горы, на херсонесском плато, находились крупные силы союзников (французский наблюдательный корпус генерала Боске и две английские пехотные дивизии). По Кадык-койским высотам проходила шоссейная дорога (Воронцовская), соединявшая Керчь с Севастополем. Спускаясь с высот, она шла затем сквозь гребень Сапун-горы через так называемый Балаклавский проход (ущелье). Южнее Кадык-койских высот простиралась другая долина, ограниченная непосредственно перед Балаклавой так называемыми Балаклавскими высотами, впереди которых, на дороге, ведущей из Балаклавы в Симферополь, находилось селение Кадык-кой.

Кавалерийская дивизия британской «Восточной армии» расположилась лагерем в Балаклавской долине с целью охраны основной коммуникации, соединявшей осадные силы англичан с их главной базой в Балаклаве. В состав дивизии входили две бригады (Тяжелая и Легкая), каждая из которых имела по 5 двухэскадронных полков кавалерии (всего около

1500 всадников). Кроме того, ей были приданы две конноартиллерийские батареи (12 орудий). Во главе дивизии находился 54-летний генерал-лейтенант Джордж Чарльз Бингхэм, третий граф Лукан, а Тяжелой и Легкой бригадами командовали 55-летний бригадный генерал Джеймс Йорк Скарлетт и 56-летний бригадный генерал-майор Джеймс Браденелл, седьмой граф Кардиган. Из них только Лукан, прозванный своими солдатами «Look-on» («соглядатай»), имел некоторый боевой опыт (в 1828—1829 годах он служил волонтером при русской армии И. И. Дибича и участвовал в операциях против турок).

Командир Легкой бригады граф Кардиган был шурином лорда Лукана и, подобно своему родственнику, принадлежал к высшей британской знати. В Англии он славился как отменный наездник, знаток и владелец прекрасных скаковых лошадей, но до Крымской кампании ему никогда не приходилось воевать. В Крым этот аристократ прибыл на собственной яхте «Драйяд», которую поставил на якорь в Балаклавской бухте и использовал как место ночлега (в частности, накануне сражения под Балаклавой).

В октябре 1854 года главнокомандующий русскими войсками в Крыму А. С. Меншиков решил нанести союзникам удар в самом уязвимом для них месте — в районе Балаклавы. 23 октября у местечка Чоргун на Черной речке был собран так называемый Чоргунский отряд под командой генерал-лейтенанта П. П. Липранди (более 16 тысяч человек при 64 орудиях). Ближайшей задачей этого отряда являлся захват турецких редутов на Кадык-койских высотах, а затем, по возможности, выход к Балаклаве и обстрел артиллерией союзных судов, скопившихся в порту. Для поддержки войск Липранди был назначен особый отряд генерал-майора И. П. Жабокрицкого, насчитывавший около 5000 человек при 14 орудиях. Ему предстояло выдвинуться правее Воронцовского шоссе на Федюхины высоты. В 5 часов утра 25 октября (еще до рассвета) Чоргунский отряд перешел в наступление. В 7 часов 30 минут Азовский пехотный полк лихо, с громким криком «ура» штурмовал и захватил турецкий редут № 1, переколов штыками около 170 турок. Турки бежали, бросив три остальных редута, которые были заняты русскими без боя.

Овладев Кадык-койскими высотами, русские уже считали сражение оконченным. Однако английский главнокомандующий лорд Раглан, находившийся со своим штабом на Сапун-горе, был очень недоволен потерей английских крепостных пушек, захваченных русскими на турецких редутах. Это было тем более досадно, что при Альме англичанам удалось захватить всего два русских орудия, а тут они потеряли сразу девять. Повернувшись к своему генерал-квартирмейстеру, бригадному генералу Ричарду Эри, он продиктовал роковой приказ, предписывавший графу Лукану идти в атаку: «Лорд Раглан желает, чтобы кавалерия быстро пошла в наступление на находящегося перед ней противника и не позволила ему увезти назад пушки. Батарея конной артиллерии может сопровождать. Французская кавалерия на вашем левом фланге. Немедленно. Р. Эри».

Отвезти этот приказ Лукану вызвался капитан Льюис Эдуард Нолэн из 15-го гусарского полка, адъютант генерал-квартирмейстера*. Содержа-

ние приказа показалось Лукану абсурдным. Доставивший записку капитан Нолэн нетерпеливо выкрикнул: «Приказ лорда Раглана требует, чтобы кавалерия атаковала немедленно!» «Атаку, сэр? Какую атаку? Что за пушки, сэр?» — спросил генерал. Нисколько не смутившись, капитан показал рукой в глубину долины: «Вот, милорд, это ваш противник, вот это ваши пушки!» (С тех пор прошло уже 140 лет, но историки все еще спорят, было ли это инициативой Нолэна или он лишь выполнял устные инструкции главнокомандующего.)

Приказ, каким бы он ни был, следовало выполнять. Лукан направился вместе со своим штабом к Легкой бригаде. Подъехав к Кардигану, он сообщил ему содержание злополучной записки и приказал наступать вниз по северной долине. «Конечно, сэр, — произнес Кардиган в своей обычной холодной манере, — но позвольте вам заметить, что русские имеют в долине впереди нас батарею, а также батареи и стрелков по обеим ее сторонам». «Я знаю это, — ответил ему Лукан, — но лорд Раглан так хочет. Мы должны не выбирать, а исполнять». Кардиган молча отсалютовал графу своей саблей.

В это время Легкая бригада уже сидела в седлах. Еще утром она насчитывала 661 человека, а до начала атаки к ней присоединились еще 12 бойцов: среди них оказались и солдаты, бывшие под арестом, но сбежавшие к своим полкам при первом известии о сражении. Рядовой 17-го уланского полка Джон Вей работал в Балаклаве мясником и теперь встал в строй, не снимая забрызганного кровью фартука. Его появление вызвало смех, и сам граф Лукан подъехал к этому странному всаднику: «Знаешь ли ты, куда мы сейчас пойдем?» Вей весело ответил, что он очень хочет «задать трепку русским». «Ну что ж, — сказал ему генерал с улыбкой, — тогда иди и дерись как черт».

Граф Кардиган сидел верхом на чистокровной гнедой лошади по кличке Рональд — призере Ипсомских скачек. Было 11 часов 20 минут, когда он воскликнул: «Бригада идет в наступление! Первый эскадрон 17-го уланского — направляющий». Вскоре раздался звук трубы, и бригада начала

движение шагом. Порядок в полках был блестящий, а сам Кардиган ехал впереди, держась в седле «прямо, как в церкви» (по свидетельству участника атаки улана Уайтмэна).

Легкая бригада наступала в трех линиях, растянувшись по фронту на одну пятую ширины долины. Ей предстояло преодолеть более двух с половиной километров. Кавалеристы скоро перешли с шага на рысь, причем аллюр постепенно ускорялся. Между первой и второй линиями Легкой бригады образовалась дистанция в 400 метров, а между второй и третьей — около 200. Лукан следовал уступом справа с Тяжелой бригадой, также построенной в три линии.

Русские артиллеристы открыли по англичанам перекрестный огонь с Федюхиных и Кадык-койских высот. Сначала пальба велась гранатами и ядрами, а затем, по мере приближения всадников, русская артиллерия перешла на картечь. В это время знакомый нам капитан Нолэн, ехавший в передней линии 17-го уланского полка, вдруг поскакал галопом вдоль фронта атакующей бригады, что-то крича и размахивая саблей. Недалеко от него разорвалась граната, выпущенная русской батареей с Федюхиных высот. Один из осколков пробил грудь англичанина... Это была первая жертва роковой кавалерийской атаки.

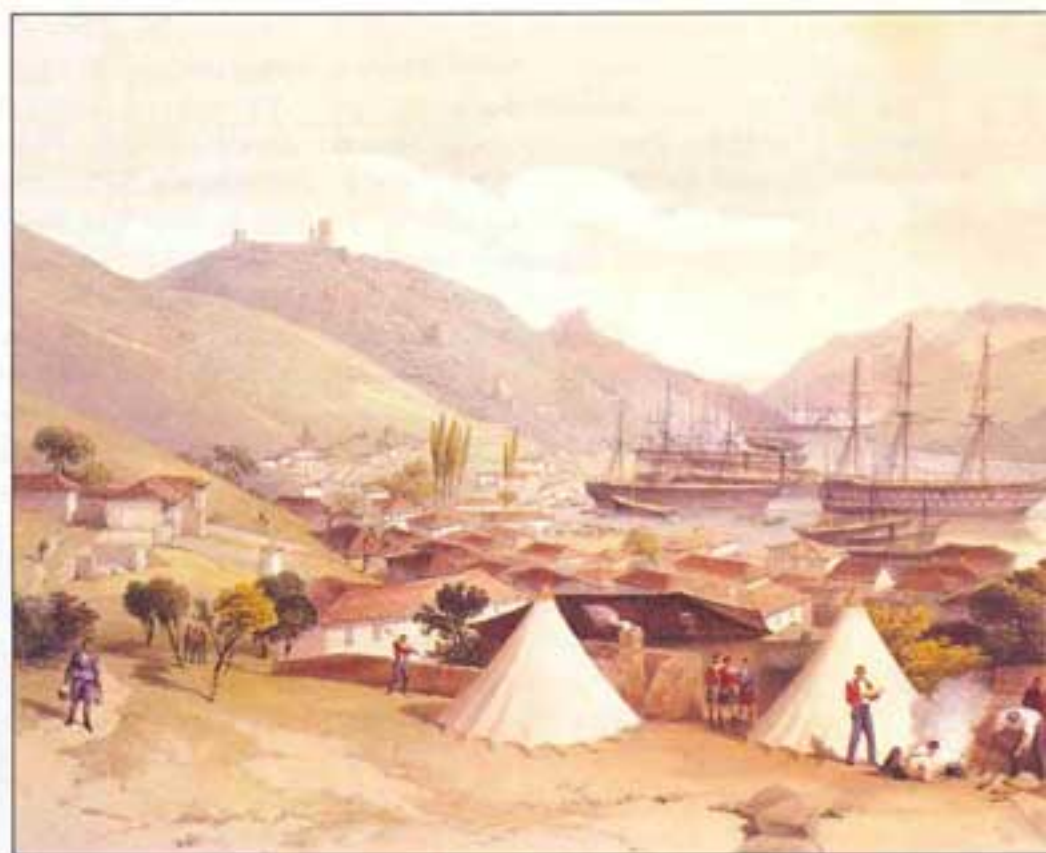
Бригада Кардигана продолжала наступать в прежнем направлении, и солдаты не без удовольствия подчинились команде «Сабли наголо!». Под градом снарядов английские всадники стали инстинктивно ускорять аллюр, переходя с рыси на галоп и тем самым ломая строй.

Русские ядра и гранаты начали достигать Тяжелой бригады. Сам граф Лукан был легко ранен в ногу, а его адъютант и племянник капитан Чартерис — убит. По приказу Лукана бригада Скарлетта остановилась, а затем в полном порядке отступила на свою исходную позицию.

Легкая бригада в это время стала объектом атаки русских стрелков, рассыпанных по склонам соседних высот и вооруженных штуцерами. Потери только ожесточали англичан, мечтавших поскорее добраться до русских орудий и отомстить за своих товарищей. Кони перешли на галоп, и остановить их было уже невозможно. В эти минуты смертельной скачки проявился дух соперничества между полками первой линии Кардигана. Капитан Ар-

* Нолэн был не только отличным наездником, но и известным военным писателем. Его знаменитая книга «История и тактика кавалерии» (1853) была переведена на

многие языки. В России, которую он посетил в 1852 году, собирая сведения о русской кавалерии, эта книга была издана дважды — в 1861 и 1871 годах.

*Английский лагерь
под Балаклавой.
Гравюра
Симпсона. 1856.*

*Офицер, трубач и
капрал 17-го
уланского полка
Легкой бригады.*

англичан оказался на русской батарее. Вслед за ним туда ворвались уланы и драгуны 1-й линии. В 40 шагах позади батареи, в качестве прикрытия, стояли шесть сотен 1-го Уральского казачьего полка под командой подполковника П. Б. Хорошхина. Клубы дыма и пыли скрывали от казаков реальные силы атакующих, создавая преувеличенное впечатление об их численности. Большая часть уральцев внезапно запаниковали и обратились в бегство. Лишь некоторые казаки, сохранившие стойкость, пришли на выручку артиллеристам. На батарее завязался короткий, но жестокий бой. Юный корнет 17-го уланского полка Арчибальд Кливленд сражался с одним из донских канониров, когда его лошадь была ранена в ногу тесаком, после чего он с трудом мог заставить ее двигаться. Тут корнета атаковали три казака — он ранил первого из них, но получил от второго удар пикой сквозь лядунку, а от третьего — укол в ребро.

Русские артиллеристы пытались спасти свои орудия и зарядные ящики. Две пушки были, однако, захвачены группой легких драгун 13-го полка во главе со старшими сержантами Линкольном и Смитом. Русским канонирам удалось увезти только два орудия 12-й конной батареи и несколько зарядных ящиков. Кавалерия генерал-лейтенанта Н. И. Рыжова, стоявшая позади захваченной англичанами батареи, не ожидала столь стремительного удара неприятеля. Уральский казачий полк, находившийся в первой

тур Тремейн из 13-го легкого драгунского полка, под которым была убита лошадь, слышал, как кто-то слева от него кричал: «Не давайте этим ублюдкам из 17-го выйти вперед!» В то же время уланы 17-го полка ревели: «Вперед, Мертвые головы, вперед!» Сержанту этого полка Тэлботу оторвало голову при взрыве гранаты, но его тело осталось в седле, и лошадь пронесла его еще метров 30...

Тем временем первая линия Кардигана оказалась уже перед самой русской батареей из 12 конных орудий, расположенной поперек долины. Четыре батальона Одесского егерского полка из колонны полковника Скудери, стоявшие у северных склонов Ка-

дык-койских высот и на самих высотах, решили, что атака англичан нацелена на них. Поспешно свернувшись в каре, они встретили залпами всадников Кардигана, по мере того как те проезжали мимо, направляясь к русской батарее.

Когда первая линия Легкой бригады оказалась прямо перед ними, русские конные орудия дали свой заключительный залп — картечью в упор, но остановить англичан уже не смогли. Все окуталось дымом, и вторая линия Легкой бригады совсем потеряла из вида первую.

Лошадь Кардигана вынесла графа к самым орудиям. Генерал в дыму проскакал между двух пушек и первым из

линии, в своем бегстве расстроил стоявший в 40 шагах позади него Гусарский Его Императорского Высочества князя Николая Максимилиановича полк (бывший Киевский), а тот опрокинул стоявшие за ним эскадроны гусар его высочества герцога Саксен-Веймарского, бывшего Ингерманландского (при этом киевские гусары почему-то кричали «ура»). В полном беспорядке вся русская гусарская бригада понеслась к восточному краю долины — к акведуку и Черной речке, где находился перевязочный пункт Чоргунского отряда.

Бегство русской конницы, в которой насчитывалось не менее 1900 всадников, было тем более постыдным, что в этот момент им противостояли ничтожные силы англичан. По свидетельству британских участников боя, только 50 кавалеристов первой линии Кардигана сумели прорваться сквозь русскую батарею. Капитан Моррис во главе 20 улан своего полка оказался за ее левым флангом, где столкнулся с большой массой русских гусар, уже готовившихся вынуть свои сабли. Повидимому, это была часть Киевского полка. Без всяких колебаний эта горсть англичан, сидевших на усталых от скачки конях, бросилась на русских гусар, которые сначала подались вперед, но затем остановились, ошеломленные столь дерзким натиском. Уланы Морриса врезались в ряды русских всадников — и те рассыпались, «как стадо овец». Кучка британцев ринулась за ними, но вскоре сама была атакована казаками (вероятно, это были донцы, три сотни которых находились в северной долине). Английским уланам пришлось отступать, отчаянно отбиваясь пиками и саблями от преследовавших их казаков. Окруженный казаками Моррис получил три удара шашкой по голове и потерял сознание. Очнувшись, он обнаружил, что находится в плену. Впрочем, при первой же возможности Моррис бежал, поймав одну из лошадей, оставшихся без седока. По его совету так же поступил и плененный ординарец Кардигана корнет Вумбвелл.

Пока части первой линии ожидали помощи, вторая линия Легкой бригады под командой полковника лорда Пэйджета уже достигла русской батареи. «Ну, милорд, — сказал ординарец лорда Пэйджета сержант Паркс своему полковнику, скакавшему рядом с ним с сигарой в зубах, — самое время вам вынуть саблю!» 4-й легкий драгун-

ский полк королевы проскочил прямо сквозь интервалы между орудиями, при этом один из офицеров издал старинный клич «Теллихоу!», которым английские охотники науськивали собак во время травли лисицы. С прибытием драгун Пэйджета сопротивление защитников батареи было быстро подавлено. Здесь особенно отличился командир 1-го эскадрона 4-го легкого драгунского полка бrevet-майор Александр Лоу — великан весом около 100 кг, чьи пышные светлые усы со свисающими концами делали его похожим на древнего германца или викинга. Вооруженный огромной саблей, сделанной по специальному заказу, он врубился в самую гущу свалки и собственноручно сразил 11 русских воинов. В этой же схватке получил смертельное ранение заместитель лорда Пэйджета майор Хэлкетт.

Одновременно перед русской батареей оказался 11-й гусарский полк подполковника Дугласа. Гусары не мешкая бросились в атаку на русскую кавалерию влево от группы улани и драгун, собранных начальником штаба Легкой бригады бrevet-подполковником Мэйоу. В ходе завязавшейся короткой схватки рядовой 11-го полка Йоветт зарубил саблей русского гусара, целившегося из карабина в голову английского офицера. Спасенным оказался лейтенант Роджер Палмер, который незадолго до сражения посадил своего будущего спасителя под арест, обнаружив его спящим на посту.

11-й гусарский гнал по долине опрокинутого им неприятеля, но внезапно увидел перед собой превосходящие силы русской кавалерии. Сочтя, что противник слишком силен, подполковник Дуглас приказал своему полку, насчитывавшему тогда не более 70 всадников, остановиться, а затем и отступить. Когда английские гусары начали поворачивать назад, русская конница двинулась на них медленной рысью. Британцы отходили спокойно, сохраняя порядок, а когда русские гусары и казаки приблизились к ним на несколько сот метров, подполковник Дуглас прекратил отступление и мгновенно, как на учении, развернул свой полк фронтом к противнику. Атака застала русских врасплох. Несмотря на подавляющее численное превосходство, они повернули назад. Основная масса гусар и казаков генерала Рыжова столпилась у акведука — здесь русские командиры привели в порядок свои расстроенные эскадроны. Обе

стороны начали перестрелку из карабинов и пистолетов, а казаки попытались зайти к англичанам в тыл (в стычках было убито несколько британских кавалеристов).

Несмотря на неустойчивое положение своего полка, Дуглас надеялся отбросить всю русскую конницу за Черную речку. Оглядываясь в поисках подмоги, он увидел позади себя какую-то уланскую часть, ехавшую по долине, ведущей к Трактирному мосту. «Сбор, люди! — крикнул Дуглас. — Сбор, люди 17-го уланского!» Однако лейтенант Палмер, чьи глаза были острее, заметил, что флюгера пик и головные уборы улани отличались от английских. «Это не 17-й уланский, — сказал он Дугласу, — это противник».

Когда гусары Дугласа еще гнали русскую кавалерию к акведуку, на захваченной англичанами батарее раздался крик: «4-й легкий драгунский — на помощь 11-му!» Когда драгуны поравнялись с гусарами, оказалось, что русские угрожают им с тыла. Повернувшись, полковник Пэйджет увидел тех же самых улани, которых ранее заметил Дуглас. Оба полка имели тогда не более 100 всадников, сидевших на изнуренных лошадях, многие были ранены. В ситуации, когда противник угрожал англичанам и с фронта, и с тыла, единственно правильным решением оставался прорыв назад, на исходную позицию. Узнав о том, что никто из его кавалеристов не видел Кардигана, Пэйджет принял на себя инициативу. По его команде полки двинулись назад по долине.

Русская кавалерия, угрожавшая с тыла остаткам бригады Кардигана, состояла из трех эскадронов (1-го, 2-го, 6-го) 2-го Сводного маршевого уланского полка. Уланы, заехав левым плечом, пошли на больших рысях вдоль линии русской пехоты. Один из батальонов Одесского егерского полка, приняв их за неприятеля, ибо уланские эскадроны были на разномастных лошадях (1-й — на рыжих, 2-й — на вороных и 6-й — на серых)*, свернулся в каре и открыл по ним огонь. От этой стрельбы, продолжавшейся до тех пор, пока сами егеря не заметили своей ошибки, были убиты три лошади и ранены два улани. Дойдя до Симферопольского шоссе, уланские эскадроны остановились и начали разворачиваться, причем их

* В ту эпоху каждый полк русской кавалерии (в отличие от английской и французской) имел лошадей определенной масти, но эти три эскадрона были из разных полков.

фронт находился под прямым углом к отступающим английским кавалеристам. Участник боя под Балаклавой поручик Корибут-Кубитович так описывал отход британцев: «Никогда нельзя лучше оценить кавалерию, как при отступлении после удачной атаки, в виду неприятеля. Нужно отдать справедливость англичанам: они представляли верх совершенства в этом отношении и шли на рысях в порядке, как на ученье». Уланы Сводного полка налетели на группу отступающих англичан, пытавшихся проскочить мимо, и завязали с ними рукопашную схватку. Английские гусары и легкие драгуны прорвались к своим линиям, сбившись в кучу и местами перемешавшись с русскими кавалеристами. При этом они яростно отбивались саблями от ударов уланских пик и, по свидетельству противника (вышеупомянутого Корибута-Кубитовича), даже спешенные и раненые не хотели сдаваться в плен, сопротивляясь до конца. Русская пехота и артиллерия открыла огонь по сражавшимся, не разбирая, где свой, а где чужой. Большинству англичан все же удалось пробить себе дорогу к спасению.

Русские эскадроны преследовали британцев вверх по долине почти до 4-го редута, причем к уланам тогда успел присоединиться подполковник Еропкин, бывший перед этим в свите Липранди*. Под его командованием три эскадрона Сводного маршевого уланского полка быстро возвратились на свою прежнюю позицию около Симферопольского шоссе. Считая, что с англичанами уже покончено, они стояли развернутым строем и дожидались приказа слезать с лошадей. Вдруг вдали показалась группа всадников. Сначала русские кавалеристы не могли распознать ее принадлежность, но вскоре стало видно, что это гусары в темных доломанах, на темных лошадях.

Колонной, столь неожиданно появившейся перед русскими уланами, был 8-й гусарский полк подполковника Шуэлла, составлявший третью линию Легкой бригады. При наступлении

королевские ирландские гусары находились позади и немного правее 4-го легкого драгунского полка, но заметно отстали от него, ибо все время двигались рысью, не переходя на галоп. На русскую батарею 8-й полк прибыл уже по окончании боя. К тому моменту из-за потерь, понесенных от огня русской артиллерии и пехоты, он насчитывал всего 55 всадников. Вместе с кавалеристами Мэйю, примкнувшими к левому флангу гусар, Шуэлл имел в строю 70 бойцов и полкового любимца терьера Джемми.

Увидев перед собой заслон из трех эскадронов подполковника Еропкина, британский отряд, по сути состоявший из одного слабого эскадрона, не дрогнул. Произошла сшибка. Подполковник Шуэлл, будучи плохим фехтовальщиком, не вынимал саблю из ножен и держал поводья обеими руками. Опустив голову, он бросил своего коня прямо на русского дивизионного командира майора Тинькова 3-го, оттолкнул его лошадь в сторону и благополучно проскочил мимо. Понесся некоторые потери, британские кавалеристы Шуэлла все-таки сумели прорваться (и терьер Джемми тоже!), однако им еще предстояло пройти оставшуюся часть долины под перекрестным огнем противника.

Теперь уже вся Легкая бригада, рассыпавшись на мелкие группы и одиночных всадников, отступала по долине на запад. Преследование было не слишком решительным, хотя генерал Рыжов и назвал его «охотой на зайцев». Англичане отходили вверх по долине на уставших и израненных конях, практически шагом, осыпаясь пулями и картечью. Отступление их было еще губительнее, чем наступление. Трагическая атака английской кавалерии продолжалась в общей сложности 20 минут. Только на сборном пункте остатки славных английских полков вновь увидели своего бригадного командира, о котором они ничего не знали с той минуты, когда тот первым ворвался на русскую батарею.

С момента атаки первой линии граф Кардиган полностью утратил контроль над своими частями. Проскочив между русскими орудиями, он не смог разобраться в дыму, что происходит. Генерал-майор проскакал вперед на 100 метров и неожиданно столкнулся с большой группой казаков. Конь Рональд едва не занес его в ряды неприятеля. После некоторого замешательства казаки бросились на англичани-

на, чтобы взять его в плен. Завязалась короткая борьба, в которой Кардиган получил легкую рану пикой в бедро. Однако граф сумел вырваться. Вернувшись к русской батарее, он проскочил назад через линию орудий и в дыму не заметил местонахождения своей бригады, решив, что бригада отступила без его разрешения. Считая, что долг выполнен, граф в одиночестве поехал назад по долине. Добравшись до своих, он занял позицию перед фронтом возвратившегося из атаки 8-го гусарского полка, не замечая, как за его спиной ирландские гусары, считавшие, что генерал позорно бросил свою бригаду, делали в его адрес презрительные гримасы.

Когда уцелевшие бойцы Легкой бригады (всего 195 всадников) начали строиться, Кардиган появился перед ними, и обвинение в трусости было тут же ему намеком высказано. «Привет, лорд Кардиган, — приветствовал его кто-то из солдат, — были ли вы там?» «Неужели нет», — ответил генерал. «Послушай, Дженинс, — обратился он к капитану 13-го легкого драгунского полка, — разве ты не видел меня у пушек?» Дженинс подтвердил, что находился недалеко от Кардигана, когда тот ворвался на русскую батарею. Граф вновь повернулся к своей бригаде. «Люди, — сказал он, — это был сумасшедший трюк, но в нем нет моей вины». «Не имеет значения, милорд, — ответил ему чей-то бодрый голос из рядов, — если надо, мы снова пойдем туда».

Потери Легкой бригады в этой атаке составили 102 убитых (из них 9 офицеров), 129 раненых (из них 11 офицеров) и 58 пленных (в том числе 2 офицера), причем последние были также почти все ранены. Позже еще 16 человек умерли от ран (9 из них в русском плену). Англичане потеряли 362 лошади. Больше всех пострадали полки первой линии (в 13-м — выбыло 56 человек из 128, а в 17-м — 74 из 147).

Общий урон русских войск в этот день составил 627 человек, 257 из них — в гусарской бригаде, наиболее сильно пострадавшей от английской кавалерии. Союзники потеряли более 850 человек, из которых половина приходилась на долю англичан.

Атака Легкой бригады стала последним аккордом сражения под Балаклавой. Войска обеих сторон остались на своих позициях, ограничиваясь артиллерийской канонадой, продолжавшейся до четырех часов дня.

* Когда Еропкин по приказанию начальника Чоргунского отряда спешил догнать своих улан, он был атакован офицером и двумя рядовыми английской кавалерии. Одного из нападавших храбрый подполковник застрелил из пистолета, другого ранил саблей его вестовой, унтер-офицер Бугского уланского полка Денис Муха, а третьего Еропкин, не успев вынуть саблю, оглушил двумя мощными ударами кулака в лицо и висок.